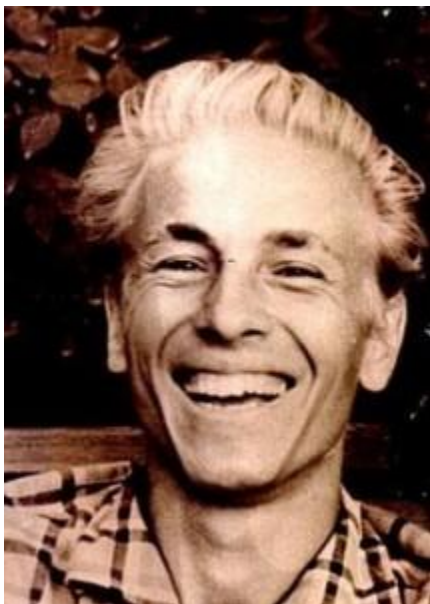

ПРИВИЛЕГИЯ СОВРЕМЕННОНИКА

Юрганов Олег -

Пятидесятилетие первого в мире полёта Юрия Гагарина на околоземную орбиту, благополучное его приземление и триумф человечества, открывшего дорогу в космос, вряд ли застало врасплох современников этого события. Накануне был первый полёт спутника Земли, разбудивший мечты о полёте человека в космос.

Под напором неугомонных надувателей коммунистических воздушных шаров из всех их щелей просачивалась доморощенная идеология и политика: Агитпроп ЦК КПСС неустанно твердил о превосходстве социалистической системы над капиталистической. Получив вожделенную «иллюстрацию», он ждал всё новые и новые из недр прожорливого военно-промышленного комплекса страны.

Были, разумеется, нормальные человеческие эмоции по поводу ярких научно-технических достижений эпохи.

Переживания и мифы о грандиозных событиях того времени. О людях, причастных к свершениям века, которые передавались из уст в уста. Случались и события, неведомые тогда большинству. Об этом мы узнаём только сейчас. Гибель испытателей космических аппаратов. Грандиозные аварии с человеческими жертвами на наземных полигонах циклопических размеров. Астрономические суммы затрат на возведение ракетно-ядерного щита. И это на фоне дефицита всего и вся. При нищете, не проходящей десятилетиями. При щедром изобилии словесных пузырей и политических деклараций правящей верхушки страны.

Между тем, явные или тайные события, политические миражи и воздушные замки случились там и тогда, где и когда жили люди, именуемые современниками, чья память всё запечатлела. Сегодня их привилегия – рассказать, поделиться своими впечатлениями, чтобы грандиозная панорама современной цивилизации очистилась от политического мусора, дав шанс новым поколениям людей прикоснуться к реальным, людским страстям, сопутствовавшим ярким достижениям в истории человечества. Например – полёту Юрия Алексеевича Гагарина на космическом корабле «Восток». 50-летие этого события земляне отмечают в этом году. Моя встреча с Юрием Гагариным случилась четыре года спустя после его звёздного полёта.

Когда твоя память хранит нечто большее, чем обыденное впечатление, «вырубленное» в памяти тысячами восторженных голосов соседей, радиодикторов, телевизионных комментаторов, многочисленными сериями кинохроники, газетно-журнальных статей, не грешно и самому вспомнить о привилегии, которая получена в дар от его величества Времени и госпожи Эпохи. Получена только за то, что по удачному стечению обстоятельств, ты родился, жил, в одно время с Юрием Гагариным – Первым Космонавтом Земли.

1965 год. Январь. Мне 24 года. Работаю на Энгельском химкомбинате. Не подозреваю о том, что моя должность и ранг, который я тогда занимал, дадут мне шанс, лицезреть Героя нашего времени.

Уточню. Был я вторым секретарём комитета комсомола Энгельского химкомбината. Там изготавливали капролактамы, из которого делали нити для прочнейшего капронового и ацетатного волокна. Большинство работников – девчонки 19-27 лет. Численность – 10-12 тысяч. Потому и комсомольская организация была с правами райкома.

Масштаб технологических строений – грандиозный. Возведенные в конце пятидесятых годов корпуса на окраине города Энгельса,

сосуществовали с крупнейшим в Европе военным аэродромом. Там постоянно взлетали и садилась ТУ космических размеров, отправляясь на облёт территорий государств НАТО, неся ракеты, оснащенные ядерными боеголовками. Мы ничего об этом не знали, как многое из того, что просочилось только недавно из тайников нашего недавнего прошлого.

Здание заводоуправления химкомбината было выстроено таким образом, что его крыльцо выходило на дорогу, часть которой вела – к корпусам производства капролактама, а часть к зданиям производства ацетатных нитей. Внутри производственных корпусов циклопических размеров – технологические переходы, коридоры, километры труб, вентиляционных штреков. В цехах – сотни машин, механизмов, рядом с которыми кажешься муравьем. Бесконечные бетонные полосы – широкие тропы, по которым за день приходилось проделывать сотни тысяч шагов.

Шёл второй год, как я был избран секретарём комсомольской организации по идеологии. Кабинет комитета комсомола – на втором этаже заводоуправления. Кабинет парткома, профкома и генерального директора В.М.Баранова – этажом выше.

6 января 1965 года. Обычный день. Первый секретарь комитета комсомола Сергей Ванин – моё начальство – ушёл в отпуск. На моих плечах – руководство этой комсомольской громадиной.

В тот день ничто не предвещало даже намёка на какие-то значительные события. Утром, как обычно, – планёрка у секретаря парткома – Людмилы Антоновны Реутовой. Быстро обменялись информацией с секретарями парторганизаций цехов и производств о прошедшей ночной смене. Техпроцесс круглосуточный потому и заботы о работе людей круглосуточные.

Зазвонил телефон. В «коллекции» аппаратов на столе – слева от секретаря парткома – замечаю белый, нарядный аппарат. В верхнем правом его углу засветился красный сигнал. На аппарате вместо номеронаборного диска – пустая накладка, похожая на крышку от банки с солёными огурцами...

Людмила Антоновна поднимает трубку. Слушает... Меняется в лице. Нервно прикладывает ладонь к затылку, как бы поддерживая там маленький пучок волос. Неожиданно, той же рукой показывает нам – все свободны! Уходите... Поспешно удаляемся, аккуратно прикрыв дверь.

Недоумение у меня, конечно, возникло, но ненадолго. Наша с Ванниным секретарша Маша Трещёва, девушка лет девятнадцати, принесла документы на подпись и расписание сегодняшних мероприятий. Зазвонил телефон. Поднимаю трубку. Слышу голос Людмилы Антоновны. «Олег, зайти, пожалуйста...».

Захожу в её кабинет. Вижу – явно взволнована. Разумеется, ни о чём не догадываюсь.

– Олег... Через два часа к нам на комбинат приезжает Юрий Алексеевич Гагарин.

Только старый молодёжный сленг может выразить моё состояние, когда я услышал эти слова. То есть я – «офанарел!» Но... держу себя в руках. Жду распоряжений моего партийного начальства. «Отраслевое начальство», то есть горком комсомола города Энгельса, как я понял, еще пока не был «в курсе» предстоявших у нас событий. Во всяком случае, мне оттуда никто не звонил. Разумеется (чего уж скрывать!) чувствую «значительность» момента. С готовностью «пожираю взглядом» своего «партайгеноссе». Людмила Антоновна рассеянно

перелистывает толстый ежедневник, иногда поглядывает в мою сторону, говорит нараспев – верный признак волнения.

– Надо подготовить выступление наших комсомолок... Понимаешь? Коротенькую речь. Цветы...

– А где встреча будет? Спрашиваю, почти уверенный, что случится это именно в этом же кабинете – секретаря парткома.

– У Владимира Михайловича Баранова. Секретарь парткома чётко произносит полностью – имя, отчество, фамилию гендиректора химкомбината. Она – с привычками учительницы. В парткоме работает второй год. Знаю – пришлая. То есть, не с нашего комбината. Номенклатура горкома партии. Там формировали резерв по своим правилам, неведомым и не подотчетным «низам».

– Сколько у меня времени?

– Час, не больше. Людмила Антоновна теперь смотрит на меня строго, испытующе. – Надо сделать текст для Маши Трещёвой... Смотрит на меня вопросительно. – Наверное Маше поручим и цветы вручить Юрию Алексеевичу и два-три слова сказать, так? Согласно киваю. Для моей секретарши – дело привычное. – Так вот, текст приготовишь, не забудь со мной согласовать. Потом Маше надо крепко выучить текст наизусть. Так, чтобы от зубов отскакивал! Да! Тебе, Олег и сценарий мероприятия придется отработать. Принеси ... Посмотрим вместе. Озабоченно вздыхает. – Прорепетировать хотя бы раза два-три! Бодро киваю, уже направляясь к дверям.

– Ясно...

Возвращаясь к себе. Знаком приглашаю Машу Трещёву пройти за мной. Прихватив тетрадь, карандаш, как обычно – для записи «деловых указаний» – она заходит в мой кабинет. Критически её оглядываю. Ну да, симпатичная. Хотя и не в моём вкусе... Сегодня явно не в форме – причёсана, как-то не очень аккуратно. Одета не так. Мотивы моей придирчивости понять можно, хотя Маша – человек проверенный. Никаких «импровизаций» себе не позволит. А это – главное! Высокие гости – народ у нас на комбинате не частый, но зато... Косыгин, Индира Ганди, Янош Кадар... Они все видели Машу, слышали её звонкий голос. В общем, кроме неё никто не справится с ролью «декламатора» при встрече с Юрием Гагариным. Внешность – подходящая. Голос – хорош. Дикция – вполне.

Говорю девушке, тихо стоявшей передо мной с тетрадкой и карандашом.

– Иди домой. Возьми в парткоме платье. Ну, которое ты надеваешь при встречах... Сходи в парикмахерскую. Сделай причёску. Но не как на бал-маскарад, а деловую. Без излишеств.

Маша в полном недоумении, но молчит.

Продолжаю...

– Через два часа... Смотрю на часы – теперь уже – полтора! К нам приезжает Юрий Алексеевич Гагарин! Будешь его приветствовать с девчонками, ясно?

Недоумение Маши сменяется ступором. Потом слышу её визг.

– Юрий Алексеевич? Ой! Мамочки! А где мой текст? Ты мне напишешь? Ужас!! Надо же выучить! Ошалевшую Машу пришлось поторопить. Выскакивает за дверь.

Сажусь за стол. Придвигаю к себе стопку чистых листов бумаги. Пора сочинять для Маши речь, потом набросать сценарий...

И всё же, прежде всего позвонил в две химлаборатории: на капроновом и ацетатном производствах. Надо удостовериться, работают ли сегодня три наших признанных красавицы-лаборантки. Они, с уже привычным спокойствием, дарят высоким гостям наши стандартные подарки. Вместе с Машей Трещёвой им предстояло и лицезреть Ю.А. Гагарина, и себя показать.

В парткоме на этот счет существовал свой стандарт. Девушки-красавицы, которых я упомянул, должны взять комплект одежды, специально сшитый по такому случаю. Никакого национального колорита в платьях не было. Да, яркие, сшитые из наших капроновых и ацетатных шелков, с вышитыми крупными цветами на многослойных пышных юбках. Комплект одежды они получали в профкоме. Здесь же, на третьем этаже заводоуправления, неподалеку от кабинета секретаря парткома. Там же и переодевались. Накануне заходили в парикмахерскую, которая была на территории химкомбината, где им делали подобающую случаю прическу. Если гостей ждали летом, то встречали у крыльца заводоуправления, если зимой – в холле третьего этажа, примыкавшего к приемной и кабинету генерального директора.

Иногда для такого случая в пекарне химкомбината, выпекался «гостевой каравай». На его верхушку ставилась хрустальная солонка с горочкой соли. Но в этот раз каравай испечь не успевали. Нет времени! Стало быть, Гагарин не попробует его ароматный и вкусный краешек.

Из химлаборатории комсорг рапортует, что всё в порядке! Девушки-красавицы на месте. Начальство уже освободило их от работы, и они направились в парикмахерскую.

Приступаю к «изготовлению» текста для Маши Трещёвой. Звонит телефон. На проводе – секретарь парткома.

– Олег я набросала текст моего выступления. Люся тебе сейчас принесёт. Глянь... Что надо поправить.

Заходит Люся. Читаю текст. Она стоит, ждёт.

– Я сам отнесу...

– Нет, Людмила Антоновна просила сразу принести, как только прочитаешь. Ей ещё учить надо наизусть!

Вздыхаю. Читаю. Обыкновенная стандартная белиберда про героизм, коммунизм, партию и народ, с которым она, разумеется, едина. Понимаю, мои возможности ограничены. Начальство – «штучка» обидчивая. Сменил несколько словесных штампов. Подобрал синонимы, вместо «тухлых» стандартов. Поставил запятые, где им было положено. Отдал текст Люсе. Она упорхнула за дверь.

Пишу на листе: «Дорогой Юрий Алексеевич!..» Самые первые и вполне «законные» слова в речи Маши Трещёвой. Задумался... Текст упёрся «рогом» в белоснежную пустоту бумажного листа. Кстати вспомнил недавний фильм – «Мечте навстречу». Там

были песни «Я – Земля!» и про яблони, которые будут цвести на Марсе. Но, пришлось отказаться. Уже «Заштамповали» в многочисленных ссылках и сам фильм, и слова песни. Но идея понравилась! Да и времени оставалось мало для собственных импровизаций. Решил схитрить: Марс заменил Луной, яблони – сиренью. К тому же мне сильно повезло с «художественным образом». В просторном тепличном хозяйстве химкомбината, благодаря значительному избыточному теплоотделению производства, который по трубопроводу направили в питомник, был там создан стабильный «субтропический» микроклимат. Освещение было круглосуточным, а наши местные ботаники оказались настоящими мастерами своего дела. В январе выращивали цветы самых экзотических сортов. В том числе и сирень. Уточнил в парткоме, какой букет приготовлен для Гагарина? Оказалось – сирень! Для этого пришлось обкорнать весь куст – гордость селекционера-самородка, который дневал и ночевал в питомнике, выращивая невиданные цветочные гибриды. Значит, сирень надо «обыграть» в приветственном тексте!

Конечно, «речь» для Юрия Гагарина дословно сейчас не припомню. Разве что кое-какие идеи. Получилось примерно так: человек обустроивает земной мир. Когда вы поднялись над Землей, сказали, «Как красива, наша Земля!» И другие планеты человек тоже будет обустроивать на свой вкус. Например, выращивать там цветы. Вот и вы, Юрий Алексеевич, когда полетите на Луну, возьмёте с собой росточек нашей сирени. Такой пушистой, ароматной, как эта...

Предполагалось, что Маша Трещёва после этих слов вручит Первому Космонавту букет сирени. В январе в СССР – это сенсация! В завершение Маша скажет: «Жить и верить, это замечательно! Перед нами небывалые пути!» Признаюсь, всё-таки взял «напрокат» из песни в кинофильме «Мечте навстречу» эти универсальные «идеологемы». Нужен был «намёк» на «небывалый» по грандиозности «план строительства коммунизма». Всё звучало вполне «политкорректно», как мы скажем уже здесь и сегодня... Согласовал текст в парткоме. Маша, уже нарядная и причёсанная, держа листик с текстом, ушла в угол холла, где висело большое зеркало, учить его наизусть, контролируя свою мимику.

Приближался час приезда Гагарина на химкомбинат. В холле третьего этажа принаряженные «нужные люди» – начальники производств, цехов, передовики. Там же девушки-красавицы. Они уже с причёсками, переодеты. У каждой в руках подарки гостям.

Отрабатываю с девушками согласованный в парткоме сценарий. Дело привычное. Кажется, хорошо всё усвоили. Можно немного расслабиться.

Неожиданно ко мне подходит Люда Шелкова, секретарь комсомольской организации крутильного цеха. Бледная, с трясущимися руками.

– Мне наш парторг сказал, что какая-то женщина вроде бы из нашего цеха собирается броситься к ногам к Гагарину и сунуть ему письмо...

– Какое письмо? Я обомлел.

– Откуда я знаю? Наверное, жалоба... Или квартиру просит. Мне, нашему профкому, ну и конечно, самому нашему парторгу намылят шею, если проморгаем эту дуру...

Пришлось мне ждать Гагарина не в холле, где стояли «нужные люди», а спуститься на первый этаж в вестибюль – место для «проверенных зевак». Но как найти возможную жалобщицу? Степень «цензуры толпы», встречающих высокого гостя гораздо либеральнее, чем на верхних этажах заводоуправления. У кого время есть, пришли, поглазели и разошлись! С каждой минутой людей становилось больше. Толпа обретала упругость и... непредсказуемость. Узнал от своего заворга, которого вместо себя отправил в партком на последнюю, перед прибытием Ю.А.Гагарина пятиминутку, что там договорились так: ряд у самого прохода на лестницу, ведущую наверх, займут

крепкие парни и надёжные девчонки. Они составят плотный кордон. Позади будет второй слой. Он-то и не должен позволить неведомой жалобщице прорваться.

Встал в переднем ряду между двумя парнями. Они прихватили меня под руки слева и справа. Не видел, как к крыльцу заводоуправления подъехал кортеж и, как Юрий Гагарин, выйдя из машины, ведомый нашим гендиректором, направился к входной двери, которая уже давно была распахнута, пропуская морозный январский воздух.

Заметил Космонавта Номер Один, подчиняясь волнообразному давлению в спину толпы. Слегка откидываясь назад. Пытаюсь притормозить напор стоявших сзади «зевак». Затылком слышу громкий предостерегающий женский шепот.

– Пусти! Слышь гад, пусти! Повернулся на звук. За спиной моего соседа – широкоплечего парня с кудрявой головой, стоявшего между двумя девушками, схватившимся друг за друга руками «цепочкой», отчаянно пытается протиснуться невысокая женщина в коричневом пальто с гладким кроличьим воротником. Неожиданно присев, она успела просочиться между ногами парней. Они, отпихивая ногами её назад, кому-то зло прошипели: «Заберите эту заразу, проскочит же!»

Юрий Алексеевич Гагарин, в серой шинели с полковничьими погонами, в шапке из серого каракуля, улыбающийся, уже приближался к месту, где стоял я и происходила вся эта возня с женщиной в пальто с кроличьим воротником. На лбу у нашего гостя замечаю довольно заметный шрам с уже почти сошедшим отёком, немного нависавшим над бровями. У самой двери, ведущей к проходу на лестницу, по которой мы обычно поднимались на второй и третий этажи заводоуправления, Гагарин оказался, проходя мимо меня и тех, кто стоял со мной рядом.

Вдруг, женщина с кроличьим воротником, почти лёжа на полу, просунув голову между чьими-то ногами, со сбившимся набок платком, смазанной губной помадой, страдальчески закатив глаза от взгляда снизу-вверх, сдавленным голосом произнесла.

– Юрий Алексеевич! Возьмите!

В этот миг Гагарин поровнялся с этой «головой». Наверняка ситуация была смешнее смешного. Прежде чем женщину оттащили назад, Первый Космонавт Земли быстро наклонился и поднял с пола конверт, который она успела бросить к его ногам. Вижу его белую полоску в кармане его шинели...

Раздосадованные функционеры, не рассчитавшие свои силы в схватке с хитрой и изворотливой жалобщицей, шепотом бормоча проклятья, побрели вслед за свитой Гагарина на третий этаж.

Заранее было договорено, что «лишние люди», по инерции устремившиеся из толпы встречавших в вестибюле вслед за сопровождавшими высокого гостя, будут подвергнуты «селекции» уже на втором этаже. Так и случилось. Что касается меня, сработал механизм привилегий. Как-никак я был хоть и не очень высоким, но – начальством и меня пропустили в холл на третий этаж.

Оказавшись в приемной гендиректора, понял, что «сценарий мероприятия» уже в работе. В кабинете гендиректора и Маша Трещёва, и девушки-красавицы с подарками. Подошел к двери кабинета. Приоткрыл её. Повезло. Вижу, как Маша Трещёва четко, звонко, буквально сверля Ю.А. Гагарина своими большими серыми глазами, произносит мой текст, выученный назубок.

Всё действие быстро закончилось. Отхожу в глубину приемной. Направляюсь в холл, где уже накрыты столы. Гости рассаживаются. Меня знаками зовет парторг. Подхожу.

– Олег! Твой тост после меня. От комсомола комбината. Совсем чуть-чуть, понял? И, чтобы красиво! Ну, ты умеешь! Давай, готовься... Показала моё место у стола. От

Гагарина я на расстоянии вытянутой руки. Он сидит с гендиректором рядом, справа – секретарь горкома партии. Налили в рюмки коньяк...

Сначала тост сказал секретарь горкома партии. О чём говорил, не припомню. Выпили. За столами тихий приятный галдёж. Лихорадочно думаю, что сказать «от комсомола»? Начинает трести нервная дрожь. Встает гендиректор. Помню его слова о наших капроновых нитях, из которых наверняка сделаны парашюты, на которых спустился корабль «Восток». Гагарин добавил: «А может и мой!». Зал одобрительно загудел. Выпили. Встала наш парторг... Сказала свой тост без запинки. Молодец... Выпили.

Вдруг слышу голос Гагарина. По-моему, он уже слегка захмелел. Улыбается. Оглядывает всех. Спрашивает:

– Ну, а комсомол скажет что-нибудь? Куда вы молодежь свою подевали? Там в кабинете такие красавицы были!

Гендиректор, поискав глазами среди гостей, наткнулся на меня. Парторг энергично кивнула в мою сторону.

– Секретарь комитета комсомола – Олег Юрганов!

– Олег Юрганов? Гагарин «уложил» на меня свой взгляд с белозубой, ставшей уже знаменитой на весь мир широкой улыбкой.

– Это наш секретарь по идеологии, – тихо повторила Людмила Антоновна.

– Давай, Олег! Скажи и ты! Это – Гагарин...

Точно помню – если я и пил, то всего-то глоточек коньяку. Но что-то «завело» меня неожиданно и крепко! И откуда только смелость появилась, подхватила некая сила, которая повернула меня совсем не в ту «идеологическую степь». В сторону от партийных сценариев и стандартов поведения. Встаю.

– Юрий Алексеевич! А давайте-ка споём хоть один куплет вашей любимой! Слышу веселый хохот Гагарина.

– А что! Давай, Олег! Мне начинать? Тут же, мягко, но точно, прихватывая в голосе явственную упругость песенной строки, Гагарин запел. Я присоединился...

Заправлены в планшеты космические карты...

Первый Космонавт Земли, строго глянул в сторону сидевших застольников. Они от неожиданного моего «финта» не успели сообразить, что пора подхватить наш дуэт. Через секунду что-то путное стало получаться и у них. Юрий Алексеевич, подмигнув мне, продолжил.

И штурман уточняет

В последний раз маршрут.

Давайте-ка ребята,

Закурим перед стартом;

У нас еще в запасе

Четырнадцать минут.

Слова песни большинство всё-таки уверенно не знали. Смущенно что-то проборматывали, растерянно тарасили глаза друг на друга. С припевом было проще.

Прочнее застрял в памяти сидевших текст, который часто звучал по радио. Когда мы с Гагариным перешли к припеву, уже почти все подхватили слова. Песня пошла ровнее, веселей.

Я верю, друзья,

Караваны ракет

Помчат нас вперед –

От звезды до звезды.

На пыльных тропинках

Далёких планет

Останутся наши следы...

То, что это была его любимая песня Гагарин признался в одном телевизионном интервью. А настроение у него в миг моего неожиданного предложения спеть её, неведомым образом и кстати, «подскочило». Такое случается у раскованных, от природы харизматичных, молодых людей. Потому откликнулся естественно и живо. К финалу припева умолк. Глянув на меня сказал:

– А тост ты, Олег Юрганов, всё-таки «зажал».

Кто-то рядом со мной угодливо подхватил – в самом деле, комсомол... Не хорошо. Краем глаза вижу парторга. Лицо напряглось. Растеряна. На столе, почти напротив – ваза с пушистой веткой сирени, выращенной в нашем питомнике.

– Пусть наша сирень, украсит ваш Юрий Алексеевич, космический корабль, который вы поведете на Луну, – выпалил я. Все захлопали. Широко улыбаясь, Гагарин протянул мне руку.

– А что, красивый цветок. Почему бы и нет? Двигаю к нему тетрадь – ежедневник, в которой я делал свои обычные записи. По движению моих губ он понял во всеобщем гомоне, что я прошу его об автографе. Вынув из внутреннего кармана кителя блестящую ручку, расписался...

Оглянувшись на прикосновение секретаря Энгельского горкома партии, который ему что-то сказал, согласно кивнул. По-видимому «сеанс» общения героя космоса с народом завершился. Как по команде все дружно встали и двинулись к выходу...

Об автографе Гагарина никому никогда не рассказываю. Это уж сейчас к юбилею первого полета в космос расчувствовался. Стыдно... Не сберёг ни тетрадь, ни листик, на котором улеглись чёткие с точным написанием букв линии его факсимиле.

История о том, как я «заставил» Гагарина запеть, вместо того, чтобы выполнить «сценарный план парткома» и сказать слова, которые ожидалось по «протоколу» долго гуляла по идеологически проветренным коридорам всяких райкомов и горкомов комсомола.

Буквально на следующий день после «мероприятия» в холле третьего этажа нашего комбинатовского заводоуправления, состоялся семинар молодёжных функционеров города Энгельса. Пришлось и там «разоткровенничаться». Поговорили о делах и решили, что надо бы съездить к месту приземления Ю.А.Гагарина. С нами был его друг Виктор Калашников. Он учился с Первым Космонавтом в Саратовском индустриальном техникуме. Слава Гагарина коснулась своим крылом и его. Часто приглашали на собрания. Вот и теперь попал на наш семинар. Сидели рядом, познакомились. И в автобусе сидели рядом, когда ехали в сторону степного села Смеловки, к месту

приземления космического корабля Ю.А.Гагарина «Восток». Там уже поставили невысокий, слепленный из красного кирпича постамент с надписью: «Здесь 12 апреля 1961 года приземлился космический корабль «Восток» с первым космонавтом на борту – Ю.А.Гагариным». Всё было сделано «по-быстрому» от того и место выглядело неухоженным.

И тогда мне повезло. Виктор Калашников шепотом рассказал мне, что «...Всё было совсем не так и не там...». То, что орбита «Востока» отклонилась на 40 километров от заданной расчетной величины и потому приземлилась не в Казахстане, как первоначально намечалось, а в Волжской степи, не знал даже друг Гагарина: полковник ВВС СССР умел хранить тайны. Но Виктор узнал от Юрия и рассказал мне о том, что Гагарин не приземлился, сидя в капсуле, как нам говорило радио и телевидение, и как все мы тогда считали. Он катапультировался, когда капсула-корабль опускалась на парашютах, и приземлился в стороне от неё, попав в расположение строго засекреченной ракетно-космической дивизии. Да и место, где упала капсула «Востока», оказалось почти на несколько сотен метров дальше от кирпичного постамента с памятной надписью. Там теперь и стоит, гордо взметнувшаяся в высь, ракета и фигура Первого Космонавта Земли...